

84(2Рое = Рус)6
М58

Дмитрий Мизгулин

СКОРБНЫЙ СЛУХ

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
SOUTH CAMPUS

1000 UNIVERSITY AVENUE
LOS ANGELES, CALIFORNIA 90024

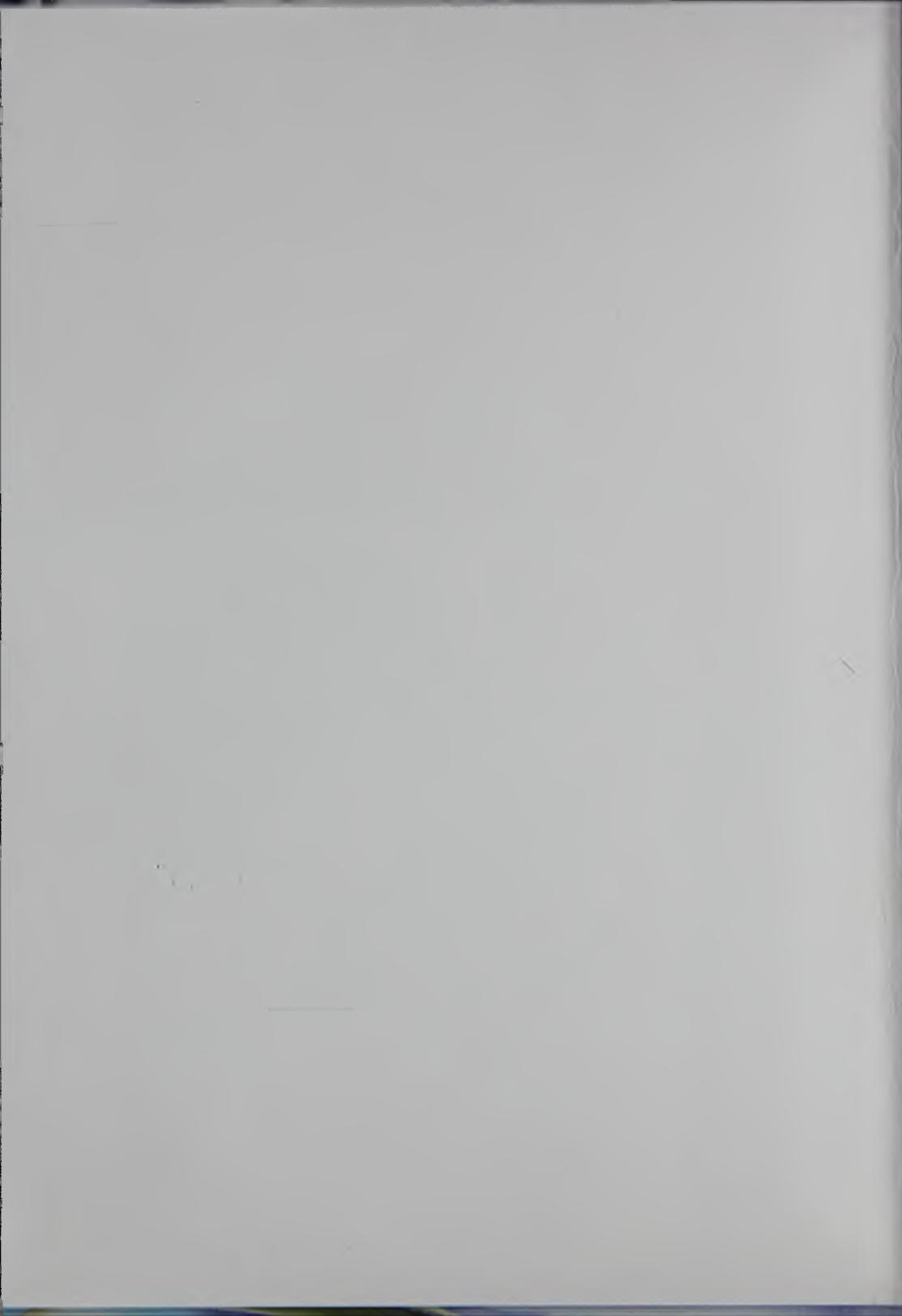
DATE _____

CALL NUMBER _____

AUTHOR _____

TITLE _____

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Дмитрий МИЗГУЛИН

**СКОРБНЫЙ
СЛУХ**

2-е издание

Мансийская
государственная
библиотека

обяза-
тельный
экз.

- 080562 -

**Санкт-Петербург
РИК «Культура»**

**Межрегиональный Союз писателей
Северо-Запада**

2002

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Автор сердечно благодарит
Евгения Николаевича Бочкарёва
за помощь в издании этой книги

ББК 84. (2Рос = Рус) 6 - 5
К М58

Мизгулин Дмитрий

М57 Скорбный слух. Стихотворения. — 2-е издание —
СПб.: РИК «Культура», 2002. — 96 с.

ISBN 5 - 7856 - 0837 - 6

М 344(05)278 - 3 Без объявл.
4438(04) - 6

Художник Елена Ахматова
Технический редактор Ал. Ахматов
Корректор О. Шабуня

© Д. Мизгулин.
© Предисловие. Е. Раевский.
© Оформление. Е. Ахматова.

...Отблеск от его свечи...

Факел русской поэзии?! Об упомянутом факеле теперь говорят редко, но, видимо, о нем помнят, если все же стремятся омыть, очистить великое русское слово той пламенной чистотой, которой болезненно нехватает в современном стихотворстве.

Но есть поэт, который, погружая свое перо в чистый, волшебный пламень, сам словно превращается в свечу и пишет излученным от нее светом...

Таким, на мой взгляд, является поэт Дмитрий Мизгулин. Без неоправданных вывертов, иллюзорностей и надуманности в стихах Дмитрия Мизгулина ощутима та мощная орфоэпическая канва, которая является редким явлением в сегодняшней поэзии.

«Крылами забьется тревога...», или «Как бабочка осенний лист...» Более чем эффектно, образно, а какими простыми словами!..

Не в этом ли вообще смысл Поэзии?

Таких трепетных, незаемных, точных образов в стихотворениях академика Всемирной Академии наук, искусств и культуры Дмитрия Александровича Мизгулина великое множество.

И на какой бы странице читатель ни открыл эту книгу, он услышит «для озябшей от жизни души...» соловьиные трели нежного и емкого русского слова.

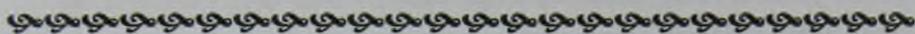
*«...Пускай уносится печаль
Последней птицей».*

Впрочем, спорьте со мной, но читайте, в «отблесках свечей» тайны открываются...

Русский поэт

Евгений Селевский

НОЯБРЬСКАЯ РЕКА

Мой стих уныл, как зимняя дорога.
Спокоен, как ноябрьская река,
Где остывают воды понемногу,
Где пленка льда туманится слегка,
И птиц уже давно не слышны крики,
Во всем полночном мире — ни души.
Луна мерцает. Тускло дрогнут блики,
И зазвенят ночные камыши,
И если время есть остановиться —
Остановись — и ты увидишь сам,
Как над землей прозрачный свет струится,
Возносится к высоким небесам.

1990

Как много слов мы говорим подчас,
И думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещей Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове потеряли.

Не слушая друг друга, все кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти молчат,
А им, поверь мне, многое известно.

1991

В ХРАМЕ ФЕДОРА СТРАТИЛАТА

Все спешим и спешим куда-то.
Судим яростно, сгоряча.
В храме Федора Стратилата
Одинокó стоит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы
От холмов Герклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Нервный сумрак, развеясь, тает.
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на нас взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С Древним Миром теряю связь.

Что нам время и что законы?
Если все мирозданье — миг.
Но мерцает с тусклой иконы
Просветленный, священный лик.

Снег летит неспеша, и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь —

Как не рвись, торжествуя и мучась,
В мир — от паперти до луны —
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо вплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученье огней дрожащих
И замерзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Нежно в небе мерцают звезды,
Ярко в окнах огни горят,

Все на свете — смешно и тленно.
Только все же зябнет душа.
Переулок Кривоколенный
Поворачивает неспеша.

1990

Не думать, наверное, проще.
Но лучше ль печалиться зря?
Мерцает в осиновой роще
Багряный закат сентября.

Промчались июльские ливни.
Царят затяжные дожди.
Ну что же поделать, скажи мне,
Коль звонкий июль позади?

Возможно ль теперь возвращаться
В те дни, где звенела листва?
Как мокрые листья кружатся
Такие простые слова.

И все — кутерьма и морока.
И впредь никого не вини,
Когда заалеют до срока
Каленой калины огни.

1991

РОМАНС

Да, мы запомним это лето.
Сосновый лес. Причал. Река.
Июльским солнцем разогреты,
Плывут лениво облака,

Качнулась лодка у причала.
Скользнуло по воде весло.
Нам больше не начать с начала,
Печаль волною унесло...

И станет легкою утрата.
И словно не было утрат.
И ты ни в чем не виновата.
И я ни в чем не виноват.

1992

Над храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи.
И нива бескрайняя хлеба
Скрывала канавы, межи...

А нынче — цветы иван-чая,
Да плесень на стенах пустых...
И вспомнилось мне не случайно
О первых российских святых.

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Под сенью Святого Покрова
Немало пришлось пережить,
Чтоб Сергей на битву сурово
Мог воинство благословить...

А с храма Бориса и Глеба
Сорвали кресты с куполов,
А в поле, забывшем о хлебе,
Колосья бетонных столбов...

Быть может не прав я, не скрою,
Но я не оглох, не ослеп.
О, как же мне горек порою
Давно не отеческий хлеб!

Спасемся ли только любовью?
Отверзнутся ль нам небеса?
Россия, умытая кровью,
Еще не открыла глаза.

1991

И вот опять — долой, долой!
И снова — мелочные склоки.
Кому, скажи, о Боже мой,
Нужны истории уроки?

Февраль. И оттепель опять.
И площадь шерится брусчаткой,
Как будто вновь эпоха вспять
Бредет во мгле походкой шаткой.

1992

Места для боли в душе не осталось.
Пламя пожара в душе отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отчество. Было — и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.

Солнце светило. А нынче — не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит —
Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнется земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

06. 1993

ОТЪЕЗД

Я уеду из этой страны.
Будет мне тяжело и тоскливо,
И крыло серебристым отливом
Рассечет облака тишины...

Не подвластен истории ход.
Скорбной чаши мы снова не минем.
Трижды будет наказан народ,
Изменивший родимым святыням.

Непреложный закон Бытия.
Нет прощенья недругу, другу...
Не минует нас чаша сия
По второму и третьему кругу.

И уже не возвысится храм,
И разверзнется бездна над нами,
И пойдет генерал по снегам
С гимназистами и юнкерами.

Время будет повернуто вспять.
Озарит нас пожарище смуты.
И начнут всеблагие считать
Неспеша роковые минуты.

Содрогнется полуночный мир,
И очнуться прозревшие люди.
Но для всех приглашенных на пир
Милосердной пощады не будет.

Я подумал о доле своей,
Как тяжелые чаши сдвигались,
На дрожащей ладони моей
Три тяжелые капли остались.

Солнце высушит их, и тогда
Станет мне и легко, и тоскливо...
Там, внизу, потускнеет вода,
Тень крыла заскользит над заливом,

Затуманится неба излом,
И растает игла за крылом.

1991

- 080562 -

17

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Кажется, что жизнь сошла на «нет»
И уже не надо ни черта.
Нынче нет ни писем, ни газет,
Только телефонные счета.

Раз контора пишет, значит мне
Рано обижаться на судьбу.
Знают про меня в родной стране
И достанут, видимо, в гробу.

Каждая душа наперечет.
Каждый человек подвластен им.
А Антихрист после наречет
Тех, кто выжил, именем своим.

1994

Не дай-то Бог случится
Ненастная пора,
Январский ветер злится
И воет до утра.

Когда закружит выюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.

Когда в душе тревога,
Отчаянья стена,
Когда уже дорога
Совсем заметена,

Когда луна сурова,
Когда глухая ночь,
Когда не сможет Слово
Тебе ничем помочь.

1993

Когда-то Солнце было Богом.
Теперь и Бог ничто для нас,
Хоть равнодушно на Природу
Еще взираем мы подчас.

За поколеньем поколенье
Теряет связь с родной землей.
Что ждет нас? Гибель ли, спасенье,
Небесный рай иль ад земной?

Как бедный путник, поневоле,
В последний путь иду, спеша...
Но ищет, ищет ветра в поле
Моя бессмертная душа.

1994

Надежда умерла.
А мы живем.
Ни Родины. Ни памяти, ни песен.
А ты твердишь, что стало интересней,
Что жизнь идет как будто на подъем...

Россия вся в витринах и витринках.
Все в розницу — свобода, совесть, честь.
Но рады и застолию на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

1994

Ты говоришь мне: Будь спокоен.
Судьбы не стоит суета.
Всяк смертный в жизни удостоен
Посильной тяжести креста.

На память выучи уроки,
Постигни мудрость вечных книг,
Но раз отмерянные сроки
Нельзя продлить хотя б на миг.

Хоть вечно спор веди о главном,
Но прав не будешь никогда.
Смотри, как лист кружится плавно,
Как сонно плещется вода,

Как неспеша, несуетливо
Покрыла мир ночная мгла,
Как величаво, горделиво
Подперли небо купола,

Как лунный свет скользит по крышам,
Как дождь долбит унылый стих,
Как замолкает — тише, тише —
Дыханье улиц городских...

Ты говоришь мне: Будь спокоен.
А я спокоен, как всегда...
Над вечным северным покоем
Мерцает вещая звезда.

1994

За часом час — и день проходит.
И по ночам — зловеще, грозно
Трава беспамятства восходит,
Луна тускнеет. Меркнут звезды.

Нам всем отмерено два срока.
Не снизойти с небес на землю.
Без сожаленья и упрека
Любую участь я приемлю.

Что предстоит — наверно знаю,
Надежда — вот мое сомненье,
Траве беспамятства внимаю,
Заворожен ее движеньем.

Луна тускнеет. Меркнут звезды.
За часом час — и жизнь проходит.
И по ночам — зловеще, грозно
Трава беспамятства восходит.

1994

Передумал. Переболел.
И уже не томится душа.
Сад ноябрьский облетел,
По листве иду неспеша.

Неизбежна зима, как смерть.
Небосвод первозданно чист.
Буду молча стоять, смотреть,
Как кружится последний лист...

А не так ли теперь и мы —
То взметнувшись, то падая вниз —
Перед ликом мертвой зимы
С упоением пронеслись?

Осень кончилась. Кончен век.
Чуть дымясь, холодеет земля.
Очень скоро выпадет снег
Белым саваном на поля.

1993

ВОКЗАЛ

Ночное небо отразилось в лужах.
В дожде сверкают ярко провода.
Гудит вокзал, на сквозняках простужен,
В дорогу отправляя поезда.

Встречай, Самара, Киев и столица,
Друзей, гостей, домой спешащих вновь.
Ищи знакомых радостные лица,
Всё рядом здесь — разлука и любовь.

Всё вперемешку — радость и тревога,
Всё вперемешку — звезды и луна.
Отсюда начинается дорога,
Но здесь же и кончается она.

Чадит неон дрожащим, тусклым светом,
Мерцает в небе синяя звезда.
Пора, согласно купленным билетам,
Занять свои последние места.

1994

ЖИЗНЬ

Наш пароход вперед плывет
К заветной цели.
То полный ход, то задний ход —
Шторма да мели.

Всё оставляем на потом,
И ждем, что вскоре...
А жизнь осталась за бортом —
Как море.

1994

СРЕТЕНИЕ

Который год нас бури носят.
Ужели нас оставил Бог?
А за окном — все та же осень.
Застывший пруд. Забытый стог.

Курлычет, улетаая, стая.
Пустеет, опадая, сад...
А ночь такая же немая,
Как много лет тому назад.

Поймешь, куда вели дороги,
Отринешь ветхих правил тлен,
Когда разверзнутся итоги
За мутной дымкой перемен.

И ты, печальный очевидец,
Поймешь — не ту открыли дверь...
Дурак ты или ясновидец —
Какая разница теперь.

1995

Из ниоткуда в никуда
По небу тучи тянутся.
Какою жизнь была всегда,
Такою и останется.

Невозмутимая луна
Как будто ухмыляется.
Воздастся каждому сполна —
Кому как полагается.

И не суди, и не вини —
Еще не все потерянно.
И не считай чужие дни —
Не нам с тобой отмерено.

Не суетись и не спеши —
Длинна дорога...
Хотя бы часть своей души
Оставь для Бога.

1995

У всех народов — праздники и будни.
У русских — только будни круглый год.
И тяжелей, надрывней, беспробудней
Пьет импортную горькую народ.

Наш календарь прекрасен был и тесен —
За первомаем — снова первомай,
Теперь уже ни поводов, ни песен,
А о былом — совсем не вспоминай.

Теперь другие времена и даты —
Отдельно для детей и для отцов.
Россия, Русь, куда ты мчишь, куда ты?
Остановись на миг в конце концов!

А мир вокруг — веселый и прекрасный,
И раз уж мы всю жизнь боролись зря,
Давайте выпьем — если не за красный,
Так хоть за черный день календаря.

1994

Тает в стынущей роще
Отблеск талой луны.
Жить бы надо попроще —
Без обид, без вины.

А по жизни иначе —
Дни утрат нележки.
То от радости плачу,
То смеюсь от тоски.

То бессонницей маюсь,
То не встать поутру,
Быть правдивым стараюсь —
И бессовестно вру.

Жить бы надо иначе —
Не курить и не пить,
И в деревне, на даче
Баню чаще топить,

Соглашаться со всеми,
Не печалится зря,
Не растрачивать время,
О пустом говоря,

До бессилья не спорить
И не переживать,
И у теплого моря
Каждый год отдыхать.

А в осиновой роще
Заплескался закат...
Жить бы надо попроще —
Не выходит никак.

1994

С годами пишется трудней.
С годами мыслится тревожней.
И в долгой веренице дней
Живешь не проще — осторожней.
Не потому, что жизнь сложна.
Не потому, что слово глуше...
Меня настигла тишина.
И я боюсь ее нарушить.

1995

Лето настало. Сирень зацвела.
И устоялась погода.
Долго ждала, как покоя, тепла
Скорбная наша природа.

Зазеленели сады и леса,
Тянутся тонкие всходы.
И отразили в себе небеса
Озера светлые воды.

И постепенно развеялся мрак,
Силу листва набирает...
Только душа не проснется никак,
Не отойдет, не отгадет...

1995

Нам всем необходимо постоянство.
Но постоянным в мире быть нельзя.
Недвижно лишь небесное пространство —
Уйдут родные. Предадут друзья.

А деревья в саду твоём весеннем
Опять шумят звенящею листвою:
На том же месте — в праздничном цветенье,
На том же месте — сумрачной зимой.

Ты сам себе придумал много правил,
И незачем других во всем винить,
Уж если в жизни что и мог поправить —
То точно — ничего не изменить...

И ни о чем не рассуждай привычно.
Природа все расставит по местам.
Смотри на мир прекрасный и обычный
И радуйся светящимся листам.

1995

Жизнь моя — надежда и сомненье.
Словно зыбкий свет звезды во мгле.
Ворошу сгоревшие поленья,
Искры гаснут в стынувшей золе.

Клонит в сон вечерняя усталость.
Электрички гулкий стук колес...
А кому-то ведь и эту малость
Получить при жизни не пришлось.

Лучшего уже и сам не чаю...
Тускло светит белая луна.
Покурю немного. Выпью чаю,
Прикорну у темного окна.

Но как только лишь глаза закрою,
Буду слышать — сам тому не рад, —
Как шумит июльской листвою
Вымерзший за эту зиму сад.

1996

Обиды забыв и наветы,
Как будто бы в сонном бреду,
Я в воды таинственной Леты
Под лунным сияньем сойду.

Я стану простым и покорным
В тумане сгоревшего дня,
И скоро холодные волны
Неслышно поглотят меня.

Охваченный вечным покоем,
Живу я движеньем реки.
Как тени над черной водою,
Проходят друзья и враги.

Рассыплются жесткие звенья
Незыблемой связи земной,
И тусклые звезды забвенья
Застынут в ночи надо мной.

1998

Гордились долго — чужь и водь —
А вот уж в Космос полетели...
Лишил нас разума Господь —
И мы как листья облетели.
Что толку — царь ты или князь,
Хрустят обманчивые льдинки,
И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

1999

В такие дни не хочется писать,
В такие времена бессильно слово,
И не найти занятия другого,
Как только безучастно наблюдать...
В такие дни сомнений и тревог
Когда кипит невидимая битва,
Пусть душу укрепит мою молитва,
И да спасет нас милосердный Бог!

1999

Стремишься истину найти —
Во всем становишься мудрее.
А время после тридцати
Летит быстрее и быстрее...

Все тяжелей твоя рука,
Мгновенья сердцем ощущаешь —
А годы после сорока
Уже совсем не замечаешь,

Узреешь высших истин тлен,
Когда не будет сил подняться...
Чтоб выжить в вихре перемен,
Ни в чем не надо изменяться.

1996

Кружатся звездные миры,
Мелькают годы, судьбы, лица...
Вот и дожил до той поры,
Когда пора остановиться,
Пройтись по парку неспеша
И посмотреть вокруг несмело,
И вдруг почувствовать — душа
Еще совсем не онемела.
И начинать как прежде жить
Без усталы и без печали,
И в памяти восстановить
Давно забытые детали.

1996

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...
Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в доме твоём достаток,
А всё вокруг — один упадок,
Во всем вокруг — один обман.
И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Поземкой стылой по дороге...

1999

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое —
Не попадись в позорный плен.
Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира,
Держись подальше от кумира,
На чьих устах смертельный тлен.
Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде
Пусть даже если ты спортсмен.
Живя в эпоху перемен,
Старайся не забыть о главном
И сделай из железа ставни —
Не создавай себе проблем.
Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,
Молись — и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...
И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой —
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

1998

Долгий год. Тяжелые утраты
На счету у каждого из нас.
Родина, великая когда-то,
Стала хуже нищенки сейчас.
Сын ее, румяный и пригожий,
Весело по улице идет,
Для нее, болезной, медный грошик
В импортном кармане не найдет.

1999

Мы хороших не ждем новостей,
Катастроф стало больше, пожаров.
Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, — побольше, чем прежде.
И синее сомнений печать
На еще неокрепшей надежде.

1998

В церковь ходим и крестим лбы.
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы,
Непонятной ее круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...
И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетет нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

1998

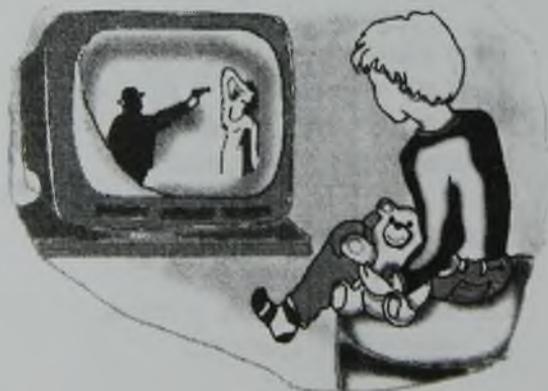

Словно из болотного тумана
Проступает странный силуэт —
Телевизионного экрана
Бледно-голубой, чадящий свет.

В век духовной суеты и стресса
Видим электрические сны,
В путях пресловутого прогресса,
Словно бы в цепях у сатаны.

А и то сказать — живем неплохо.
Техника вокруг — как ни крути...
Далеко продвинулась эпоха,
Дальше просто некуда идти.

1999

Закружило, запуржило,
Замело вокруг дома.
Что меня ты разлюбила,
Ты сказала мне сама.

Я с тоскою вспоминаю
Алых губ твоих изгиб,
Что мне делать — я не знаю,
Что мне делать — я погиб.

Но в душе гоню тревогу:
Есть надежда у меня.
Помолюсь исправно Богу
И пойду седлать коня.

Там, за полем, там, за лесом
В тишине глухих дорог
Огоньком звезды белесой
Замерцает хуторок.

Там пылает жарко печка,
Там не убран снег с крыльца,
Там еще одно сердечко
Поджидает молодца!

Запоет душа другое,
Слезы стынут на бегу,
До звезды достать рукою
Я, наверное, смогу...

2000

Зимняя дорога.
Полная луна.
На душе — тревога.
На сердце — вина.

Белые сугробы.
Синяя звезда.
Что бы сделать, чтобы
Счастлив был всегда?

Сердце глухо бьется,
Хочет отдохнуть.
А поземка вьется,
Замечает путь.

Зимнею дорогой
Вечно нам идти...
Далеко от Бога
Все наши пути.

1994

Я не считал свои утраты,
Хоть и обиден груз потерь,
Но буду помнить, как когда-то
Ты постучала в эту дверь.

Ноябрь покроет снегом землю,
Мороз — костров остудит дым,
Разлуку долгую приемлю
Под этим небом голубым.

А впрочем, что мне все разлуки?
Слежу за медленной рекой,
Как величаво и без муки
Природа обрела покой,

И над моей страной равнинной
Потянется последний клин,
Прощальным криком журавлиным
Звеня в морозной мгле долин.

2000

А была ли ты на самом деле,
В миг, когда исчезла навсегда,
Или просто птицы пролетели,
Прозвенела вешняя вода?

Словно бы натянутая ветром,
Зазвенит судьбы стальная нить,
Как портной заправский, метр за метром
Буду четко прошлое кроить...

И не то чтоб изменила память,
Просто быстро время пронеслось,
Просто очень многое с годами
Заново переживать пришлось.

2000

Зачем и откуда — не знаю,
Да и понимать не берусь,
Пришла эта осень земная,
А с ней — бестолковая грусть.

И только уймутся тревоги,
Открою тяжелую дверь.
Как светлая пыль на пороге,
Развеется горечь потерь.

Чем дальше с годами — тем глуше
Смиренная эта тоска.
И если желаешь, не слушай
Как сонно лепечет река.

И как различимее слышен
Таинственный ход бытия,
Как листья заденут за крышу,
Как вздрогнет собака моя.

И этот покой как награда
Как будто совсем ни к чему,
И что же от жизни мне надо
Теперь уж совсем не пойму,

А светлые воды струятся
Лепечут — как плач или смех,
И можно, конечно, смеяться,
Хотя и поплакать не грех.

2000

Сверкнет планета опереньем,
Скользнув с привычной высоты,
И вспомню в это же мгновенье
Твои забытые черты.

Благодарю тебя, разлука,
За то, что мы давно не те,
За то, что подошли без муки
К той разделительной черте,

За то, что нынче, ночью поздней,
Не сушит душу мне беда
И что сияет в небе грозном
Моя последняя звезда.

2000

Я все оставил на потом —
И расставанья, и прощенья.
И в этот город, в этот дом
Совсем не жаждал возвращенья.

Теперь, когда ты вновь пришла,
Листая памяти страницы,
Я понял — молодость прошла
И никогда не возвратится.

Смотрю в глаза твои опять,
Они полны пустой надеждой.
Я начинаю понимать
Все, что нас связывало прежде.

Я говорил с тобой, и дым
Костра сквозь память расстелился,
Не стал я снова молодым,
Хоть в прошлое и возвратился.

Всю ночь гудели поезда,
Была неспешною беседа,
И понял я, что никогда
Сюда я больше не приеду.

2000

Вот и кончилась осень. И ладно.
От зимы дождались ответа.
Снег под утро выпал неожиданно.
Потерпи. Доживем до лета.

Пусть природы круговращенье
Не гнетет тебя, не пугает,
Ведь и жизнь наша все движенья
Вслед за ней неспеша повторяет.

Пусть вокруг дураки храбрятся,
Наше счастья и наши муки
Неспеша опять повторятся
В судьбах наших детей и внуков.

Ни к чему на судьбу обижаться.
Бесполезно винить друг друга
И не стоит нам вырываться
Из привычного этого круга.

2000

Вокруг такая суета,
Что не смешно уже, а больно,
И пройдена давно черта,
И поздно говорить — довольно,

И не тверди о том, что все...
Что всё начертано судьбою,
Настанет час — во всей красе
Предстанет дьявол пред тобою.

И если дрогнешь — всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

2000

И снова ваш спор о судьбе.
Но вязки земные дороги...
Что толку в пустой ворожбе,
Коль нету ни слова о Боге.

Чего же хотите тогда,
Какого такого порядка?
Весь мир заливают вода
Неверия. Всё без остатка.

Сотрет ускользающий век
Последние вехи и грани:
Кто к Ною взойдет на ковчег,
Кому подвернется «Титаник».

2000

Опутано ложью полмира.
Не вырваться нам из цепей.
Всё больше и больше кумиров
У Родины бедной моей.

О, сколько предсказано сроков!
Тускнеет звезда на челе.
Всё больше и больше пророков
Идет по бесплодной земле.

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголят!
О, как они сладко поют!

Камней раскидали мы груды.
Поди их теперь собери!..
Но снова толкуют Иуды
Про отблески новой зари...

Я бред этот слушать не стану.
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Как скромный, но знающий зритель
Молчу — и на мне есть вина, —
Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Наладится жизнь понемножку.
Вернется державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

2000

Давно уж ни во что не веря,
Как будто в беспросветном сне,
Живем давно под знаком зверя
В своей нетопленной стране.

Огней неоновых свеченье,
Машин урчащих суета...
О, только б слово отреченья
Не осквернило бы уста!

Замызганы фасады зданий.
Собака в поисках тепла...
Молю, чтоб тяжесть испытаний
Посильной ношею была.

2000

Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья,
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как непрощенная вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе — годы или дни?
Расплата ждет неумолимо —
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идет...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдет...

2000

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней все огнем опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы — читай, внимая,
Но, вещей слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу — я еще не глух, —
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

2000

Вновь вернулись в первобытный век,
Только не с дубиной, а с ракетой.
И опять гвоздает человек
По башке другого человека.

Состраданию места нет в душе.
В телевизионной круговерти
Сто смертей пересмотрев уже,
Мой сосед закусывает смертью.

Снова наливает и опять
Он во власти смутного экрана,
Ведь чужое горе принимать
Близко к сердцу, согласитесь, странно.

Ни судить, ни спорить не берусь.
И давно уже не жду ответа.
Где твой Бог, моя родная Русь,
Где твой Бог, родимая планета?

И летит всемирный наш экспресс.
И гремит железная дорога.
И уносит дальше нас прогресс
От природы,
 От любви,
 От Бога.

СВЕЧА

Пусть опять все пойдет вверх дном,
Пусть оставит меня удача,
Опустеет родимый дом,
И судьба повернется иначе.

Не заплачу, не закричу —
Из души не вырвется стона,
У иконы поставлю свечу,
Отобью три земных поклона...

Я порою судил сгоряча,
Упивался своей гордыней,
Всё искупит моя свеча,
Все сомненья мои отринет.

Ни разлук не боюсь, ни измен,
Я сто раз начинал сначала,
В зыбком мареве перемен
Только вера меня спасала.

Как бы ни было тяжело,
Посреди вселенского срама
Я в душе сохраняю тепло
Тишины опустевшего храма.

Пусть мерцает в мирской ночи
Тусклый отблеск моей свечи.

2000

Весной обычно спится плохо.
И беспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха,
Скрипит Земля на вираже.

А мне твердят, что невралгия,
Поменьше есть, поменьше пить.
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сторит душа.

Объял планету адский пламень,
Кругом беда. Кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы
Как бы от третьего лица.

2000

В суете уходящего века
Вдруг очнешься от тщетных забот —
Не забыл ли Господь человека
Да и весь человеческий род?

С нами надо, конечно, построже,
Ведь давно, в суете мельтеша,
Позабыло творение Божье
Место, где находилась душа.

Всё торопимся: делаем дело,
В пустословье коверкая речь,
Что там душу — и брренное тело
Не умеем от скверны сберечь.

Свято веруем — всё будет лучше.
И скользим неизбежно ко дну.
Ох, как близко, Господь всемогущий,
Подпускаешь Ты к нам сатану.

В круговерти, заверченной бесом,
Не встречаем родного лица,
Все бежим по дороге прогресса,
А дороге не видно конца...

2000

*...Весь мир представляет собой одну комнату,
точнее, один огромный вагон
в межзвездных сферах – для курящих.*

арх. Иоанн Шаховской

К комфорту привыкла Европа.
Скользит, как по волнам вагон,
Но в час предстоящий потопа
Навряд ли нас вынесет он.

Сосед мой свою сигарету
Докуривает неспеша.
Пока не призвали к ответу –
Не дрогнет в сомненьях душа.

В эпоху грядущего хама
Смири выраженья лица
И, сидя под сводами храма,
По книжке проси у Творца.

А мир, как вагон для курящих,
Растает неслышно во мгле,
Помилуй нас Боже, пропащих,
Продляя наш путь на земле.

Свадьбы. Дни рождения. Крестины...
Так привычно начинался путь.
Нынче лишь одни сороковины
Не давали мне передохнуть.

У часовни новой на кладбище
Сколько раз за этот год стою.
Провожая тихо, словно нищий,
Скорбным взглядом молодость свою.

Вот друзьям моим приходят сроки.
День грядущий не видать во мгле.
Годы скуки, склоки и мороки
Клонят ниже к матушке-земле.

Все смешалось — счастье и невзгоды,
За туманной гранью бытия
В зеркале изменчивой природы
Сам себя узнаю вряд ли я...

Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от долгих мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг,

Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести...

2000

Так повелось уж на Руси —
В года напасти
Молили: Господи, прости,
Ругали власти

И ждали доброго царя,
И ждали чуда.
И ждал, огнем греха горя,
Свой час Иуда.

И поднимался супостат,
Сгущались тучи,
Но все молили — стар и млад —
О жизни лучшей.

Теперь иные времена,
Но те же нравы.
Опять низвергнута страна
В канун кровавый,

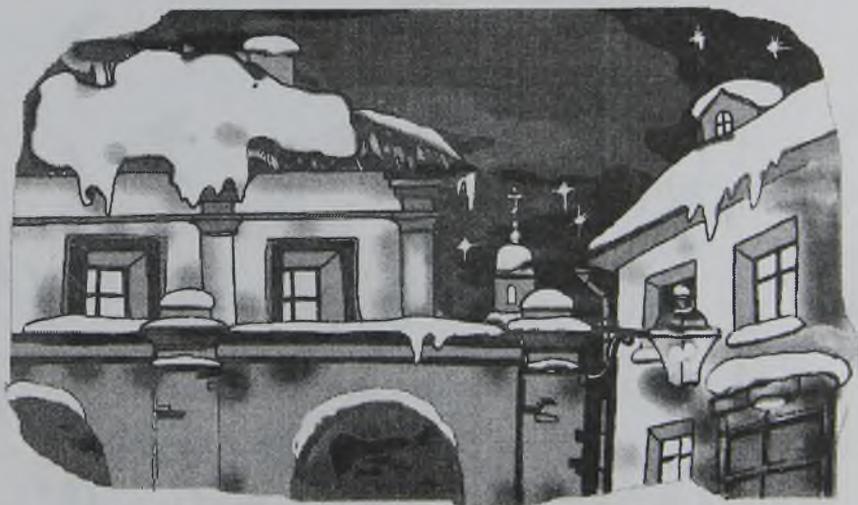
Опять надежда и тщета,
И безземелье.
В домах и душах — нищета,
В башках — похмелье.

И в бездну тысяча чертей
Россию тащат...
Но раньше все-таки детей
Рожали чаще,

И так же пусть гремит гроза,
Но утром рано
Мерцали в доме образа,
А не экраны,

Не всякий знал и в те года
К любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.

2000

Изряди катерпиллеры
Всю Родину мою.
И диллеры, и киллеры
Стоят в одном строю.
И рокеры, и брокеры
Кружатся тут и там.
Но всех их скоро оперы
Расставят по местам.

2000

Раньше мы своим гордились прошлым —
Нынче все похерено давно.
Мир наш стал теперь тупым и пошлым,
Как американское кино.

Дал Господь простор экспериментам —
Всё, кажись, успели сотворить...
Дикторы — и то уже с акцентом
Стали вдруг по-русски говорить.

Но как прежде, тянутся на дачу,
И опять, ругая власть зазря,
Празднуют, пусть даже и иначе,
Прежний красный день календаря,

Все вокруг так зелено, красиво...
Празднику, конечно, всякий рад,
И вожди отечественным пивом
Балуют родной электорат.

2000

Твои костры горят далече.
Звезда пронзила небосвод.
На месте нашей давней встречи
Заводят бесы хоровод.

Они прилежны и пригожи,
Имеют человеческий вид,
Они на ангелов похожи,
Но выдает их стук копыт.

И, преодолевая муку,
Тебе, скользящему ко дну,
Через века сомнений руку
Минувшей дружбы протяну.

Еще не кончена дорога,
Душа отринет боль и страх,
Когда застынет имя Бога
В твоих немеющих устах.

2000

Кружась во всемирном потоке,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А все обернулось иначе —
В привычной сумятице дней
Богатые — стали богаче,
А бедные — стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе —
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болят у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит неспеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

2000

Вступайте, вступайте в союзы,
Сомнения и страх – позади.
И пусть, ошарашенных, в лузу
Вгоняют вас смачно вожди.

Скорей получите прописку,
Хватайте державную статью.
Ведь черту сподручней по списку
Со временем вас отыскать.

2000

Когда-нибудь настанет час
И неизбежное случится,
И вот надежды тонкий пласт
Под ветром страха истончится,

Крыла беды раскинет ночь,
И пустота в родных могилах.
Чем я могу тебе помочь?
Я сам себе помочь не в силах.

И вот сомнение мое
Сквозь камень знаний прорастает,
И верится, что бытиё
Сознание определяет.

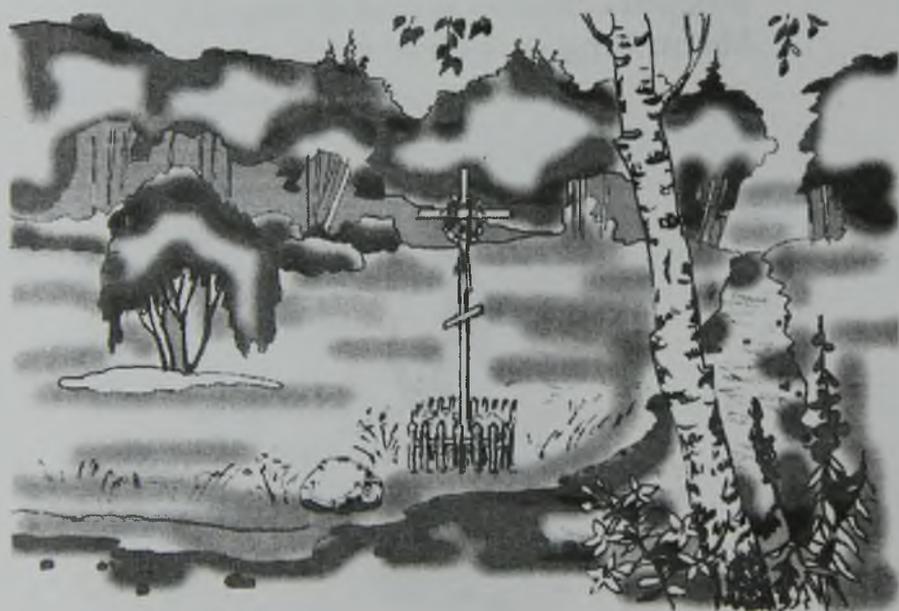
И вот приходит новый век,
А вместо Библии — экраны...
И верится, что человек
Произошел от обезьяны.

На счастье или на беду
Господь послал такую участь.
Лесной дорожкой иду,
О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птичьи голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Забытый скит. Притихший лес,
Где тишина развеет тугу.
Где только деревянный крест
Хранит безмолвную округу.

2000

Жизнь — работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

О земном суетясь и скорбя,
Не заметишь, как сердце остынет.
Хоть мгновенье оставь для себя
В мире зависти, скорби, гордыни.

Но отсчитаны сроки уже,
Бестолково петляет дорога.
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

Зачем летали на Луну,
Чего искали?
А всю огромную страну
За ночь проспали.

А всё пытались обличить
Отсталость века...
Не можем даже грипп лечить
У человека.

И с отречением спеша —
Глухи и громки...
А что душа? А что душа?
Душа — потемки.

Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то в смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога...

Куда кого тягать силком,
Никто не знает.
Свеча под глиняным горшком
Едва мерцает.

2000

Всё учились на чужих примерах,
Как прожить легко и неспеша.
Ни любовью светлую, ни верой —
Суею наполнилась душа.

Метили в Америки, в Европы,
Только не для нас был званый пир.
Нынче лотереи, гороскопы
Составляют наш духовный мир,

Нынче чародеев, звездочетов
Слушаем, как будто бы святых.
Всё гордились точностью расчетов,
А бредем, как сонмище слепых,

Ни стыда не ведая, ни срама,
С просьбами о счастье на устах
Всё толчемся в православных храмах,
Словно бы в присутственных местах.

2000

Мы шли, не ведая тревоги,
По проторенному пути...
Известны были все дороги.
Куда же нам теперь идти?

Мечталась участь всем иная,
И счастье — полною рекой...
Была избушка лубяная,
Не стало нынче никакой.

Не веря Богу и природе,
Все ищем на кого пенять...
Так утомились на свободе,
Что в рабство хочется опять.

2000

Очнешься от шумных застолий,
Где праздная чарка горчит,
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит,

Крылами забьется тревога,
В реке почернеет вода,
И тенью судьбы у порога
Застынет чужая беда.

Но что нам чужие утраты,
В разгаре неистовый пир,
Не ведая страха расплаты
Безумствует суетный мир.

Я в этом веселии лишний,
И, мучась, опять и опять
За что нас карает Всевышний —
Стараюсь в смятенье понять,

Ведь скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Молчу я. И нет мне ответа.
И сердце устало стучит,
И утренняя сигарета
Во рту непривычно горчит.

2000

Он шел толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашел в собор,
Прикрыв тяжелые ворота.

И отступила темнота,
На паперги застыли тени,
Он встал пред Образом Христа
И опустился на колени.

Кто был он — мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но все же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал — душа
Затеплилась на пепелище.

Так, превознемогая тьму,
Он утолил свои печали.
И нищие вослед ему:
«Храни Господь тебя!» — кричали.

2000

Тяжеловесная луна
Плывет над миром,
И спит усталая страна
В величье сиром.

Своей не ведая судьбы,
В цветной пижаме,
С рабами вместе спят рабы,
Вожди — с вождями.

Успокоение таят
Объятъя ночи.
В конюшне лошади стоят,
Сомкнувши очи.

Застыли тени на стене,
Заснули птицы,
Похоже, что лишь только мне
Еще не спится.

Как будто это только я
Предвижу даты,
Неотвратимость бытия
И час расплаты.

2000

В рыбах есть что-то змеиное,
В людях есть что-то звериное,
Что-то расчетливо-точное,
Неуловимо порочное,
Злобное и осторожное,
Неистребимо безбожное.

2000

Стихи писали километрами,
А издавали — килограммами...
Когда-то восседали мэтрами,
Теперь закусывают с хамами.

Когда-то числились учеными,
Чьим очень дорожили мнением,
Но ложь, однажды изреченная,
Теперь карается забвением.

А я живу в своей безвестности,
Хоть тяжелей с годами пишется.
Иду пересеченной местностью
И мне легко, как прежде, дышится.

2000

Не осуждаю, не прошу
О счастье личном,
Я поздней осенью дышу
В саду больничном.

Теперь, когда ты далеко,
В чертогах Юга,
Я понял, как это легко —
Любить друг друга.

Забуду про тоску потерь,
Приняв лекарства.
За эти полчаса, поверь,
Отдам полцарства.

Пусть небосвод сегодня мглист,
Пусть хмарь глухая,
Как бабочка осенний лист
Кружит, порхая,

Пускай в тумане тает даль
И лист кружится,
Пускай уносится печаль
Последней птицей.

2000

Он все ждал грозу в начале мая,
Молнию, сиянье звезд в ночи...
Жизнь прошла, как туча дождевая,
Солнечные выцвели лучи.

Понемногу унялось сомненье.
Снег плывет в пространстве неспеша.
И луны морозное свечение
Восприимлет скорбная душа.

2000

В бане пахнет мелиссой и мятой,
Лист березовый мягко шуршит.
Только жара еще маловато
Для озябшей от жизни души.

Камни светятся спелой малиной,
Пар окутает мягко полок,
И как будто бы духом незримым
Наполняется банный чертог,

А в предбаннике — водка, закуски,
Я один в деревенской глуши,
Вот теперь я действительно русский
Во всю ширь разомлевшей души.

Вот теперь все легко и привычно,
И пора не печалиться — жить,
И полтинничком водки «Столичной»
Все сомненья души осадить.

2000

СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчемным
Любой серьезный разговор.

Что наши страсти и сомненья
Пустопорожные слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

2000

Под утро — снег. Застыли лужи.
Спешат прохожие в метро.
Блажен, кто никогда не тужит,
Случайно делая добро,

Обид не чувствуя усталость,
Чужих не слушая речей,
Осознает простую малость,
Что он лишь Божий, и — ничей,

Кто просто так, как эта ива,
Живет, не ведая тоски,
Склоняя выю терпеливо
Перед течением реки.

2000

СОДЕРЖАНИЕ

...Отблеск его свечи... Евгений Раевский 4

Ноябрьская река

«Мой стих уныл, как зимняя дорога...» 6

«Как много слов мы говорим подчас...» 7

«В храме Федора Стратилата...» 8

«Не думать, наверное, проще...» 10

Романс 11

«Над храмом Бориса и Глеба...» 12

«И вот опять — долой, долой!...» 14

«Места для боли в душе не осталось...» 15

Отъезд 16

«Кажется, что жизнь сошла на “нет”...» 18

«Не дай-то Бог случится...» 19

«Когда-то Солнце было Богом...» 20

«Надежда умерла...» 21

«Ты говоришь мне: Будь спокоен...» 22

«За часом час — и день проходит...» 23

«Передумал. Переболел...» 24

Вокзал 25

Жизнь 26

Сретение

«Который год нас бури носят...» 28

«Из ниоткуда в никуда...» 29

«У всех народов — праздники и будни...» 30

«Тает в стынувшей роще...» 31

«С годами пишется трудней...» 33

«Лето настало. Сирень зацвела...» 34

«Нам всем необходимо постоянство...» 35

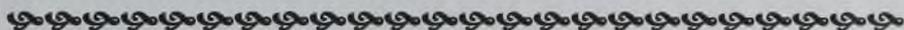
«Жизнь моя — надежда и сомненье...» 36

«Обиды забыв и наветы...» 37

«Гордились долго — чужь и воть...» 38

«В такие дни не хочется писать...»	39
«Стремишься истину найти...»	40
«Кружатся звездные миры...»	41
«Друг мой, а что же делать мне...»	42
«Живя в эпоху перемен...»	43
«Долгий год. Тяжелые утраты...»	44
«Мы хороших не ждем новостей...»	45
«В церковь ходим и крестим лбы...»	46
«Словно из болотного тумана...»	47
«Закружило, запуржило...»	48
«Зимняя дорога...»	49
«Я не считал свои утраты...»	50
«А была ли ты на самом деле...»	51
«Зачем и откуда — не знаю...»	52
«Сверкнет планета опереньем...»	54
«Я все оставил на потом...»	55
«Вот и кончилась осень. И ладно...»	56
«Вокруг такая суета...»	57
«И снова ваш спор о судьбе...»	58
«Окутано ложью полмира...»	59
«Давно уж ни во что не веря...»	61
«Морозы грянули. Крещение...»	62
«Молюсь исправно Богу. Но...»	63
«Вновь вернулись в первобытный век...»	64
Свеча	65
«Весной обычно спится плохо...»	66
«В суете уходящего века...»	67
«К комфорту привыкла Европа...»	68
«Свадьбы. Дни рождения. Крестины...»	69
«Так повелось уж на Руси...»	71
«Изрыли катерпиллеры...»	73
«Раньше мы своим гордились прошлым...»	74
«Твои костры горят далече...»	75

«Кружась во всемирном потоке...»	76
«Вступайте, вступайте в союзы...»	77
«Когда-нибудь настанет час...»	78
«Жизнь – работа. И перечень дел...»	80
«Зачем летали на Луну...»	81
«Всё учились на чужих примерах...»	82
«Мы шли, не ведая тревоги...»	83
«Очнешься от шумных застолий...»	84
«Он шел толпе наперекор...»	85
«Тяжеловесная луна...»	86
«В рыбах есть что-то змеиное...»	87
«Стихи писали километрами...»	88
«Не осуждаю, не прошу...»	89
«Он все ждал грозу в начале мая...»	90
«В бане пахнет мелиссой и мятой...»	91
Старая Ладога	92
«Под утро – снег. Застыли лужи...»	93

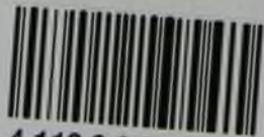
т. (812) 272-40-36

Лицензия П 2322 от 07.02.1997 г.

Журнал «Русский Джокер»
принимает заказы
на все виды полиграфической продукции
по самым умеренным расценкам
Тел.: 272-40-36

Типография издательства «Русский Джокер».
Формат 60 x 90/8. 96 с. Гарнитура «Baskerville».
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Санкт-Петербург, 2002 г.

4 118 02004
Окружная Библиотека

